

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Я. С. Смирнова

УСЫНОВЛЕНИЕ ПОКРОВИТЕЛЯ

Этнографии хорошо известно закрепление отношений между покровителем и покровительствуемым обрядом адопции, т. е. усыновления или удочерения. При этом покровитель, патрон, естественно, выступает в качестве усыновителя, а покровительствуемый, клиент, — в роли усыновляемого. Такой порядок возник уже в пору первоначального социального расслоения, на позднем этапе распада первобытного общества, и сохранился в раннеклассовую эпоху.

В частности, у эскимосов Гренландии состоятельные люди усыновляли сирот и затем использовали их в качестве слуг¹. В древнем мире подобного рода усыновление получило дальнейшее стадийное развитие как один из источников закабаления. От Ассирийского царства остался ряд договоров об усыновлении, в которых предусмотрено, что усыновляемый обязан работать на усыновителя «в поле и внутри поселения», а в некоторых — даже, что такой-то усыновляется таким-то «вместе с его полем и домом». В ассирийских же договорах об удочерении указывалось (и, видимо, не без оснований), что удочеритель не вправе обижать удочеряемую, например принуждая ее к сожительству². Сходный обычай кабалной адопции существовал в V—IV вв. до н. э. на Крите, где по Гортинским законам усыновитель не имел никаких обязательств по отношению к усыновленному³. Наконец, как бы усыновленными или удочеренными членами семьи либо более широкой родственной группы были домашние рабы. Да и не только домашние: общеизвестно, что даже римские рабы, эти «говорящие орудия», формально считались членами семьи хозяина. В Риме же вольноотпущенники и другие клиенты принимали фамилию патрона.

Таким образом, повсюду покровитель, патрон, хозяин усыновляет покровительствуемого, клиента, раба. А вот бывает ли наоборот? Оказывается, бывает. Такой редкостный и странный обычай засвидетельствован у трех близкородственных народов Кавказа — абхазов, абазин и адыгов. Он тем более удивителен потому, что в традиционных обществах народов Кавказа обычное право, этикет, обыденное сознание отождествляли соотношение отец — сын с оппозициями не только старший — младший, но и начальник — подчиненный⁴. И тем не менее обычай, в соответствии с которым покровительствуемый усыновлял покровителя, здесь существовал.

Одним из первых об этом обычае упомянул адыгский просветитель второй четверти XIX в. Хан-Гирей. «Когда уздень (т. е. дворянин, вассал.— Я. С.) желает сблизиться с князем,— писал Хан-Гирей,— то при-

¹ Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов. От материнского рода к соседской общине. М.: Наука, 1964, с. 129.

² Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии, Л.: Изд-во ЛГУ, 1949, с. 68.

³ Казаменова Л. Н. Очерки социально-экономической истории Крита в V—IV вв. до н. э. М.: Изд-во МГУ, 1964, с. 125.

⁴ Подробнее см.: Смирнова Я. С. Роль старших возрастных групп в абхазской фамилно-патронимической организации.— В кн.: Феномен долгожительства. М.: Наука, 1982; *её же*. Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства).— Сов. этнография, 1982, № 6.

Рис. 1. Обряд усыновления. 1920-е годы. (Гос. музей Абх. АССР)

глашает его к себе, причем совершает торжество и подносит ему подарки, состоящие из оружия, с исполнением обычая, соблюдаемого при примирении и состоящего в том, чтобы приложиться губами к сосцам жены того узденя, который делается аталыком»⁵. *Аталык* (от тюрк. *ата* — отец) — принятое на Северном Кавказе обозначение названного отца, усыновителя, воспитателя. Следовательно, у адыгов вышестоящий феодал посредством обряда молочной адопции усыновлялся заинтересованным в нем нижестоящим феодалом. О причинах такой заинтересованности будет сказано дальше, пока же проследим сам обычай у других народов.

Почти одновременно с Хан-Гиреем сходное усыновление у абазин описал русский офицер-разведчик Ф. Ф. Торнау. Он сам был усыновлен абaziном Багры, коснувшись губами груди его жены, чтобы отныне «полагаться на него, как на самого себя»⁶.

У абхазов такого рода усыновление было описано позже, но зато обстоятельнее. В конце прошлого века М. Т. Джанашвили рассказал, как абхазские дворяне усыновляют князей, а зажиточные свободные крестьяне — князей, дворян, купцов и даже духовных лиц. Их приглашают словами: «Я желаю повести тебя в мой дом и, по состоянию своему, оказать тебе почет». Устраивают пиршество, затем становятся на колени перед усыновленным и говорят: «С этого дня мы считаем тебя вскормленным грудью в нашей семье, мы одинакового с тобой образа мыслей и не пожалеем для тебя ничего; надеемся, что и ты не покупишься для нас ничем». В заключение следует сам обряд молочной адопции (рис. 1): «На посланном ковре ставят сундук, на него садится жена хозяина дома, т. е. будущая кормилица; ее окружают женщины». Усыновляемый «становится перед восседающей на сундуке хозяйкой, кланяется ей и троекратно прикасается губами к соску ее груди, или, как абхазы говорят „три раза кусает сосцы“; после каждого раза он произносит: „С этого дня ты — родная моя мать“»⁷.

Во второй половине 1940-х годов, во время полевых этнографических работ в абхазских селениях Отхара, Дурипш, Хопа, Джирхва, Киндги и др., автору этих строк удалось восстановить по рассказам стариков-информаторов некоторые подробности усыновления или удочерения покровителей. Обычай этот назывался *аюнадара* — «пропуска-

⁵ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978, с. 281.

⁶ Т. (Торнау Ф. Ф.). Воспоминания кавказского офицера.— Русский вестник, 1864, т. 51, № 9, с. 394.

⁷ Джанашвили М. Абхазия и абхазцы (этнографический очерк).— Зап. Кавказского отдела Русского географического общества, 1894, кн. XVI, с. 22—23; ср.: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с. 293—294.

Рис. 2. Одаривание аталычки. 1920-е годы. (Гос. музей Абх. АССР)

ние через дом», «приобщение к дому». Как правило, он состоял в том, что семья, чувствовавшая себя недостаточно сильной, усыновляла или удочеряла кого-нибудь из влиятельных людей. В одних случаях нижестоящие феодалы усыновляли вышестоящих, в других — крестьяне усыновляли других крестьян, побогаче и посильнее (например, принадлежащих к многочисленной и влиятельной в данной местности фамильно-патронимической группе), или дворян, или даже князей. Число усыновителей традицией не ограничивалось, однако большое число усыновленных одной семьей считалось нежелательным. Эта своего рода игра в одни ворота вполне соответствовала иерархическому духу самого обычая и некоторой асимметричности порождавшихся им обязательств. Хотя обе породнившиеся стороны постоянно обменивались подарками по случаю разных жизненных событий и праздников (рис. 2), однако подарки усыновителя должны были превышать по ценности подарки усыновленного. Усыновившая семья помогала усыновленному трудовыми затратами и подарками при устройстве свадьбы, похорон, поминок и неизменно становилась на защиту его интересов вплоть до того, что брала на себя вину за убийство, разбой, конокрадство или другое преступление, совершенное названным сыном. Усыновленный также помогал названным родителям и членам их семьи, в частности защищая их от насилия и произвола со стороны сильных мира сего, но эта помощь отнюдь не шла так далеко, как скажем, взять на себя вину за чужое преступление.

Обряд адопции чаще всего проходил в описанной М. Джанашвили форме молочного породнения. Однако существовала и другая форма, *амаха-ашьхала*, — «породнение через бедро», при которой прикосновение к груди женщины заменялось поднесением усыновляемому бедра заколотого для пиршества животного. Это, несомненно, более поздняя обрядовая форма. Бедро — распространенный символ мужской потенции (ср. библейское: «произошли от чресл его»⁸), и здесь перед нами стремление заменить архаическое породнение через женщину породнением без ее участия, непосредственно между самими мужчинами. Форма эта все же сравнительно более редкая. У абхазов она большого распространения не получила, а у других народов Кавказа, насколько нам известно, не практиковалась совсем.

⁸ Кн. Бытия, 46, 24.

Удалось услышать и о нескольких случаях адопции покровителей. Так, одна из княгинь Анчабадзе, владевшая до Крестьянской реформы 1870 г. селением Отхара, была несколько раз удочерена не только членами численно преобладавшей здесь фамильной группы Айба, но и жителями соседнего селения Дурипш. Воспитатель одного из князей Анчабадзе, после того как его воспитанник занял место своего отца и вошел в силу, был усыновлен более ста раз. Неоднократно была удочерена также очень влиятельная прорицательница из сел. Мгудзырхва — З. Пашкюрия. А в Киндги сохранилась память о коллективном усыновлении в середине XIX в. жителями этого селения владетельного князя Абхазии Хамудбея Шервашидзе. Непрерывно разоряемые враждой владетеля Абхазии с их собственным князем, киндгцы выбрали из своего числа 12 женщин-усыновительниц и, когда Хамудбей Шервашидзе поочередно коснулся их груди, подарили ему 30 быков и 60 коров.

О совсем уже необычайном коллективном усыновлении покровителей сообщил в своем описании религиозных верований абхазов Н. Джанашиа. Весной 1914 г., когда в Абхазии свирепствовала эпидемия оспы, один из поселков решил оградить себя от болезни, усыновив божество оспы Ахи Зосхана и его жену Ханию Шквакву. «Поселок этот устроил складчину, купил пару откормленных белоснежных козлов, забрал в достаточном количестве провизию и отправился в лес. Здесь на лоне природы был устроен „пир на весь мир“ для божественных гостей». Затем глава поселка произнес молитву и принес жертву богам. Тут же стояли две кровати, на которых сидели две молодые женщины, дворянка и крестьянка, в расстегнутых платьях, с грудью, покрытой шелковыми платками. «Народ от мала до велика стал на колени, а глава поселка произнес слово-молитву, в которой приглашал великих богов милостиво удостоить их принять жертву, приложиться к груди лучших жен поселка и тем, по обычаю предков, усыновиться поселку»⁹.

Может быть, этот эпизод не покажется таким поразительным, если иметь в виду, что грозная эпидемия оспы в какой-то мере напоминала абхазам поведение феодалов, принуждавшее их к усыновлению покровителей. Для этого, как рассказывали наши информаторы, будущие названные сыновья нередко систематически вытаптывали посевы, организовывали угон скота и в конце концов заставляли тех, кто послабее, усыновлять себя в качестве покровителей и защитников.

Все это позволяет понять, чем было вызвано широкое распространение адопции покровителей в условиях феодальной раздробленности земель адыгов, абазин и абхазов и патриархально-феодального быта этих народов, однако не объясняет, откуда взялся редкостный обычай усыновлять не покровительствуемого, а покровителя.

По-видимому, возможны два подхода к истолкованию происхождения интересующего нас порядка: первый — от исторических универсалий и второй — от местной конкретики. Рассмотрим их поочередно.

В первом случае логично исходить из того, что данный обычай был выгоднее покровителю, нежели покровительствуемому, и он сам проявлял инициативу своего усыновления. Действительно, инициатору было легче попросить о своем усыновлении, чем усыновить самому. Однако это чисто теоретическое рассуждение легко разбивается теоретическими же соображениями. Если бы оно было верно, то мы встречали бы усыновление покровителя не только у народов Северного и Западного Кавказа, но и у многих других. Между тем оно засвидетельствовано только у абхазов, абазин и адыгов. Более того, следует полагать, что этот обычай возник у названных народов в результате не конвер-

⁹ Джанашиа Н. Религиозные верования абхазов.— Христианский Восток, 1916, т. IV, в. 1—3, с. 111—112.

тенции, а зависимого культурного развития¹⁰. Известно, что предки абазин долгое время жили по соседству с абхазами и испытали их культурное влияние, впоследствии же большая их часть влилась в состав адыгов, сообщив им некоторые особенности абхазо-абазинской культуры¹¹. Стало быть: обычай усыновления покровителя по существу уникален, а уникальные обычаи не порождаются историческими универсалиями.

Во втором случае следует исходить из того, что в общественном быту абхазо-адыгских народов было нечто, породившее обычай усыновления покровителя. И такая особенность действительно была — институт аталычества, т. е. обязательная передача детей на воспитание вне родительской семьи. Этот институт существовал и у ряда других народов Кавказа — грузин-мегрелов, осетин, карачаевцев, балкарцев и ногайцев, но наибольшее развитие в регионе он получил именно у абхазо-адыгских народов¹². Отличительная черта аталычества (по крайней мере в раннеклассовое время, потому что об исторических корнях его можно спорить) состояла в том, что на воспитание, как правило, передавались дети из семей вышестоящих в семье ниже стоящих на лестнице социальной иерархии. Так было не только на Кавказе, но и в других основных очагах распространения этого института — в кельто-германском, славянском и тюрко-монгольском мире. «Ведь того, кто берет себе чужого ребенка на воспитание, всегда считают менее знатным (*minni madr*), чем тот, чьего ребенка он воспитывает» — эти приводимые А. Я. Гуревичем слова исландца Олафа из «Саги о людях из Лаксдаля» приложимы к практике и психологии аталычества всюду, где оно имелося¹³.

При передаче детей на аталыческое воспитание из семей вышестоящих в семье нижестоящих воспитанник вскармливался и тем самым усыновлялся путем все того же молочного породнения, и между обеими семьями устанавливалось названное родство. Как и при усыновлении взрослого покровителя, оно было выгодно обеим сторонам, но больше выгод извлекала из него семья воспитанника, скреплявшая породнением отношения патроната-клиентеллы в одних слоях общества, сюзеренитета-вассалитета — в других. Таким образом, функционально усыновление покровителя и аталычество не различались, хотя в первом случае усыновлялся взрослый человек, а во втором — ребенок. Сходны эти обычаи также и в том, что в обоих случаях нижестоящий усыновлял вышестоящего.

Здесь-то, думается, и лежит разгадка странной особенности рассматриваемого обычая усыновлять не клиента, а патрона, не вассала, а сюзерена. Понять его можно только как обычай, возникший под влиянием аталычества и представляющий собой упрощенное, усеченное аталычество. При аталыческом воспитании ребенок, естественно, не мог усыновить взрослого, а тем самым богатый и знатный — менее богатого и знатного. Напротив, специфика воспитания в данных социальных условиях требовала усыновления вышестоящего нижестоящим. При породнении взрослых патрон или сюзерен, разумеется, мог усы-

¹⁰ О генетических и диффузионных культурных сходствах как принадлежащих к одной категории зависимых см.: *Периц А. И.* К проблеме сравнительно-исторического синтеза (на примере отставших в своем развитии народов Востока). — Народы Азии и Африки, 1980, № 4.

¹¹ *Лавров Л. И.* «Обезы» русских летописей. — Сов. этнография, 1946, № 4.

¹² *Косвен М. О.* Аталычество. — Сов. этнография, 1935, № 2; *Смирнова Я. С.* Аталычество и усыновление у абхазов. — Сов. этнография, 1951, № 2; *Гарданов В. К.* Аталычество. — IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Чикаго, сентябрь 1973). Доклады советской делегации. М., 1973 г., и др.

¹³ *Гуревич А. Я.* Генезис феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970, с. 79; ср.: *Гарданов В. К.* Кормильство в древней Руси. — Сов. этнография, 1959, № 6; *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934, с. 183.

новить клиента или вассала, однако в обществах, широко практиковавших аталычество, этот институт предлагал уже готовую, привычную форму установления иерархизированного искусственного родства. Больше того, в обыденном сознании усыновление любого покровителя — ребенка или взрослого — воспринималось как аталычество. Хан-Гирей, описав аталычество у адыгов, отметил, что «аталыка можно приобрести и будучи уже в годах мужества»¹⁴, хотя здесь по отношению к взрослому человеку слово «аталык» означает, конечно, не воспитателя, а названного отца.

Если наше объяснение правильно, то следовало бы ожидать существования обычая усыновления покровителя не только на Западном и Северном Кавказе, но и повсюду, где также засвидетельствовано иерархизированное аталычество, т. е. у кельтов, германцев, славян, тюрков, монголов, у боспорских греков¹⁵. Однако такие сведения отсутствуют или, может быть, пока отсутствуют. Это не должно нас удивлять. Даже на Кавказе, где рассматриваемый обычай сохранялся в живом быту до конца XIX в. и где побывали многие десятки путешественников, бытописателей, этнографов, он упомянут или описан очень немногими. Ясно, что трудно надеяться найти аналогичные показания применительно к тем обществам, о которых сохранились лишь свидетельства саг, законников и летописей, относительно намного более скудные, чем обильные материалы по этнографии народов Кавказа.

¹⁴ Хан-Гирей. Указ. раб., с. 280—281.

¹⁵ Равдоникас Т. Д. Кормильство на Боспоре.— Сов. этнография, 1981, № 1.